

Модернизация как политический курс: анализ основных концептуальных подходов и практики реализации

Екатерина Олеговна Сони́на

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия,
soninaeo@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0851-1011>

Аннотация. В статье проанализирована трансформация концептуальных положений теорий модернизации в политические курсы. Автором систематизированы основные положения данных теорий, которые нашли свое отражение в программах реформ, были рекомендованы международными межправительственными организациями как подходы к реализации государственных преобразований. На основе проведенного анализа автор обращает внимание, что концепт «модернизация» получил практическое преломление преимущественно в неолиберальном политическом курсе, абсолютизирующим идеи классических теорий модернизации об экономическом росте и экономической свободе как основах прогрессивного развития. Неолиберальная трактовка модернизации стала основополагающей для политического курса, определяющего подходы к реализации «структурных реформ» в «развивающихся» странах. По мнению автора, причины такого доминирования связаны как с политическими факторами, так и историей, особенностями концептуальных положений теорий модернизации. Доминирование неолиберальной интерпретации модернизации спровоцировало целый ряд негативных тенденций: низведение ценности свободы исключительно к экономическим свободам и свободе выбора, усилению экономического неравенства, укрепление политического статуса экономических элит и т.п. Несмотря на появление в ответ на данные противоречия неклассических теорий модернизации, они не стали доминирующей концептуальной основой реформ в силу политических и дискурсивных причин. Автор приходит к выводу, что трансформация концептуальных положений классических теорий модернизации в неолиберальный политический курс, постулирование его положений на уровне мирового политического дискурса существенно ограничил потенциал применения данной теории для выработки и обоснования политического курса. Вместе с тем, многие задачи, которые стоят на современном этапе перед государством как институтом, лежат в плоскости осмысления современных, неклассических теорий модернизации.

Ключевые слова: модернизация, теории модернизации, политический курс, государственное управление, неолиберализм, неолиберальная модель государства, структурные реформы, политический дискурс, легитимация

Для цитирования: Сони́на Е. О. Модернизация как политический курс: анализ основных концептуальных подходов и практики реализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 199–207. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-199-207>. EDN HDITME

Modernization as a political course: analysis of the main conceptual approaches and implementation practices

Ekaterina O. Sonina

Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia,
soninaeo@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0851-1011>

Abstract. The article analyzes the transformation of the conceptual provisions of modernization theories into political courses. The author systematized the main provisions of these theories, which were reflected in the reform programs, and were recommended by international intergovernmental organizations as approaches to the implementation of state transformations. Based on the analysis, the author draws attention to the fact that the concept of «modernization» has received a practical refraction mainly in the neoliberal political course, which absolutizes the ideas of classical modernization theories about economic growth and economic freedom as the foundations of progressive development. The neoliberal interpretation of modernization has become fundamental to the political course that defines approaches to the implementation of «structural reforms» in «developing» countries. According to the author, the reasons for such dominance are related to both political factors, history, and the peculiarities of the conceptual provisions of modernization theories. The dominance of the neoliberal interpretation of modernization has provoked a number of negative trends: reducing the value of freedom exclusively to economic freedoms and freedom of choice, increasing economic inequality, strengthening the political status of economic elites, etc. Despite the emergence of non-classical modernization theories in response to these contradictions, they did not become the dominant conceptual basis for reforms due to political and discursive reasons. The author comes to the conclusion that the transformation of the conceptual provisions of classical modernization theories into a neoliberal political course, postulating its provisions at the level of world political discourse significantly limited the potential of applying this theory to develop and substantiate a political course. At the same time, many of the tasks facing the state as an institution at the present stage lie in the plane of understanding modern, non-classical theories of modernization.

Keywords: modernization, modernization theories, political course, public administration, neoliberalism, neoliberal model of the state, structural reforms, political discourse, legitimization

For citation: Sonina E. O. Modernization as a political course: analysis of the main conceptual approaches and implementation practices. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):199–207 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-199-207>. EDN HDITME

Введение

Концепт «модернизации» – один из наиболее дискуссионных в социально-политических науках. Как доминирующий в 1950-х и 1960-х годах подход к проблемам глобального развития теория модернизации достаточно долго характеризовалась рассмотрением его закономерностей в ключе дихотомии «развитых» и «развивающихся» стран, акцентированием политических и экономических причин как ключевых в определении траекторий развития стран, с позиционированием необходимости преодоления статуса «развивающейся» страны как ключевой задачи государственного развития. В преломлении к политическим курсам это привело к глобализации неоллиберального (неоконсервативного) политического курса, усилившего экономическую и технологическую зависимость «развитых» стран от «развивающихся», отождествлением модернизации (повышения уровня развития) с вестернизацией (повторения пути эволюции стран Запада). Несмотря на то, что влияние социокультурных факторов уже в 1950–1960-е годы оказывалось в фокусе внимания теории модернизации, а в начале 2000-х годов укрепились в научном дискурсе концепции «множественности модернити», в силу политических причин они сохранили в большей степени статус теоретических описательных моделей.

Материалы и методы

При сравнении классических и неклассических теорий модернизации, предлагаемого в них видения содержания реформ, роли в этих реформах разных групп интересов автор опирается на методы компаративного анализа. Для исследования смыслового преломления задач и сути модернизации в рамках политических курсов применены методы дискурсивного анализа. Анализ факторов, препятствующих закреплению неклассических теорий модернизации в качестве идейной основы политического курсов, проведен с использованием методов когнитивного анализа.

Результаты

Концепт «модернизация» является одним из наиболее часто аккумулируемых как в рамках научного, так и политического дискурсов, что определяется целым рядом факторов. Во-первых, достаточно широким смысловым спектром употребления, который позволяет во взаимосвязи анализировать и объяснять многие процессы в экономической, политической и социальной жизни. Во-вторых, концепт «модернизация» всегда ассоциировался с развитием, качественными изменениями, прогрессом, предполагающими улучшение разных сторон жизни общества. В-третьих, в рамках политического дискурса «модернизация» обладает достаточно серьезным легитимизирующим потенциалом для обоснования выбора приоритетов государственного развития.

Дискурсивная многофункциональность концепта «модернизация» во многом связана с политическими условиями его возникновения. Определяющая смысловое наполнение данного концепта теория модернизации как научное направление оформилось в середине прошлого века, главной ее задачей было объяснить и систематизировать закономерности политических процессов, происходящих в странах, переживших опыт деколонизации [1, с. 199]. Завершение процессов деколонизации совпало с утверждением на фоне «холодной войны» биполярного мирового порядка. В практическом отношении теория модернизации была призвана стать идейной моделью альтернативной марксизму и коммунизму и направленной на предупреждение укрепления их влияния в общественном сознании населения стран, утративших свой колониальный статус, которые в этом контексте стали именоваться странами «третьего мира». Поэтому в проработке содержания теории модернизации помимо представителей социогуманитарных наук активное участие принимали высокопоставленные советники американского правительства (У. Ростоу, С. Хантингтон), совмещавшие свою деятельность в нем с научно-исследовательской работой.

Теория модернизации никогда не была единой научной концепцией. Она скорее обобщала различные научные подходы относительно видения закономерностей в развитии стран, относящихся к разным политическим культурам, политическим режимам и политическим системам, но переживающим аналогичный период в своем развитии. Концепт «модернизация» изначально был полисемантическим, что в рамках политического дискурса позволяла его максимально широко использовать как установку на будущее, наполняя разными смысловыми акцентами идентификацию общества как современного. Возникая как идейный ответ на конкретные политические условия, теория модернизации всегда была максимально политически имплицитна, обладая существенным потенциалом для обоснования политического курса развития стран, переживающих период трансформации.

Содержательное наполнение концепта «модернизация» в так называемый классический (начальный) период (1950-60 годы прошлого века, У. Ростоу, С. Хантингтон, Г. Алмонд, Дж. Б. Пауэлл, Б. Рассет, К.В. Дойч, Ш. Эйзенштадт и др.) предполагал отождествление модернизационных процессов с вестернизацией, определение западных стран в качестве примера практического воплощения признаков «современности». Признаками «современности» с позиции классических подходов теории модернизации являются научно-технический прогресс, секуляризация общественного сознания, демократизация политической системы и рыночный тип экономики [2]. Классические теории модернизации определяют традиции как фактор, «блокирующий» прогрессивное развитие общества, которое, в свою очередь, трактуется как безусловное благо. Сторонниками данного подхода обосновывается линейная траектория развития обществ, которая предполагает их переход от «традиционного» к «индустриальному» типу, от «развивающихся» к «развитым», ассоциируя с последними западные страны.

Классические концепции модернизации предлагали программу государственных преобразований, следуя которым можно достигнуть статуса «развитого» общества. Данная программа означала доминирование политических и экономических реформ над социальными и культурными, понимание экономического роста как одного из ключевых факторов повышения качества жизни

населения, неизбежный отказ от традиционных (архаичных) походов к политическому управлению [3–4; 5, с. 9]. Классические концепции модернизации настаивали, что ради экономического прогресса развивающиеся страны могут пожертвовать своими традиционными укладами и обычаями.

Абсолютизация идеи экономического прогресса произошла в неолиберальном политическом курсе. Как идейное направление неолиберализм возник раньше теории модернизации, в межвоенные годы, из дискуссий в либеральной среде об усилении профсоюзного движения, всеобщего избирательного права и методов управления экономикой в военное время [6, с. 47–54]. Политическое «возрождение» неолиберализма произошло в 1950 – 80-е гг., приведя в 1980 – 90-е гг. к глобализации политики так называемых «структурных реформ», основанных на неолиберальных принципах.

Как политический курс неолиберализм оказался очень восприимчив к гипотезе классической теории модернизации о взаимосвязи экономических свобод и демократизации политической системы, предав им свою интерпретацию. Сторонники неолиберального подхода критиковали патерналистскую модель государства, которая, по их мнению, существенно блокировала возможности развития экономики и общества, препятствовала наращиванию человеческого капитала. Идея прогрессивного развития общества в неолиберализме связывалась с идеей свободы, которая, в свою очередь, отождествлялась с идеей свободного рынка; демократизация политической системы в духе неолиберализма означала, прежде всего, минимизацию государственного регулирования экономических процессов; личная самореализация – достижение такого уровня личного материального благополучия, который позволит максимально развивать человеческий капитал. Принципы неолиберального политического курса были сконцентрированы в 1989 г. Дж. Уильямсоном в Вашингтонском консенсусе, восприняты экономистами и руководством Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации, Евросоюза и вошли в состав Североамериканского соглашения о свободе торговли. В 1980-1990-е гг. данные принципы стали основополагающими для «структурных реформ», которые активно продвигались перечисленными международными межправительственными организациями как программа реформ преимущественно в отношении «развивающихся» стран. Неолиберальная политика приобрела трансатлантический характер, политический курс на «структурные реформы» стал основополагающим для стран, переживающих период трансформации. Неолиберальный концепт «минимального государства» оказался легитимирующим для глобализации. Общее экономическое пространство, связывающее страны общей инфраструктурой, потоками товаров, услуг, капитала, знаний и людей должно было стать основой либерального мирового порядка [7].

Тому, что именно неолиберальная трактовка модернизации стала основополагающей для политического курса, определяющего подходы к реализации реформ в «развивающихся» странах, есть несколько причин. Во-первых, предложенная неолиберализмом модель государства (neoliberal state) оказалась, фактически, первой, которая ответила на задачи придания государству как институту «гибкости» на фоне усиления конкуренции стран, принадлежащих к разным полюсам биполярного мира, усложнения социальной структуры общества, необходимости стимулирования научно-технического прогресса и экономического роста. «Гибкость» становится своеобразным лозунгом неолиберального государства, наличие конкуренции между разными акторами (включая государственные институты) – постулируется как безусловное благо для модернизации общества, его прогрессивного развития [8, с. 90–91].

Во-вторых, неолиберальная интерпретация модернизации совпала с тенденциями индивидуализации общества и общественного сознания, характеризующими становление и развитие постиндустриального общества. Неолиберальный концепт «свободы выбора» является очень важным в конструировании общественной установки о возможности индивидуальной жизненной стратегии в соответствии со своими личными потребностями, видением будущего и позиционировании данной стратегии как заслуживающей общественного признания. При решении внутренних вопросов, реализации внутренней политики неолиберальное государство ведет себя достаточно враждебно по отношению ко всем формам социальной солидарности (профсоюзам, социальным движениям и т.п.) [9, с. 263], которые в соответствии с неолиберальной логикой могут ограничивать свободу выбора, конкуренции, препятствуют накоплению личного капитала и, как следствие, ограничивают возможность для личной самореализации.

Наконец, неолиберализм изначально возникал не только как политический курс, программа реформ, но и как дискурсивная модель, направленная на обеспечение легитимации видения реформ и государственных преобразований, предлагаемых конкретными элитарными группами [10].

Один из ключевых идеологов неолиберализма Ф. Хайек еще в 1949 г. в своей статье «Интеллектуалы и социализм» обращал внимание, что в рамках рыночной системы индивидуальную свободу можно защитить только с помощью стратегии формирования общественного мнения, которую продвигает и направляет элита [6, с. 22]. В продвижении неолиберального политического курса значительную роль играли трансатлантическая сеть финансовых спонсоров и аналитических центров (британский Институт экономических дел, Американский институт предпринимательства и т.п.), популяризация основных неолиберальных идей через средства массовой информации и политиков, обеспечивая все большую электоральную популярность данному курсу. Благодаря перечисленным мерам сформировалось общественное мнение о том, что неолиберальные реформы, утверждение неолиберальной модели государства являются важной гарантией свободы в обществе, обеспечения его благополучия и, как следствие, основанного на этом благополучии социального порядка.

Применение дискурсивной модели неолиберализма позволяло решить сразу несколько задач. Во-первых, на фоне конкурентного противостояния двух «сверхдержав» предложить альтернативную марксизму и коммунизму идейную модель, которая обосновывает значение личной (в первую очередь, экономической) свободы для прогресса общества и государства, тем самым делегитимирует идею коллективизма, характеризующую советскую модель государства. Во-вторых, обосновать сокращение расходных обязательств государства (в том числе, в части социальной поддержки), которое на фоне череды непростых для экономики событий 1970-х гг. (Вьетнамская война, крах в 1971 г. Бреттон-Вудской международной денежной системы, первый нефтяной кризис в 1973 г.) искало новые ресурсы для обеспечения своей устойчивости как института. В-третьих, легитимизировала активное участие экономических элит в определении политической повестки и приоритетах государственного развития. Абсолютизация ценностей экономической свободы и экономического прогресса приводила к тому, что экономические элиты совершенно «естественно» укрепляли свой политический статус, а потому становились основными спонсорами популяризации неолиберального понимания модернизационных процессов через трансатлантическую сеть исследований и аналитических центров. В-четвертых, сторонники неолиберализма апеллировали к опыту англосаксонских стран как демонстрирующему на практике эффективность и перспективность данного политического курса. Фактически, неолиберальный политический дискурс оставался в логике предложенной классической теорией модернизацией дихотомии «развитых» и «развивающихся» стран, обосновывая необходимость проведения реформ в последних по примеру тех, кто уже достиг «современности» и относится к «развитым». То есть неолиберальный политический курс поддерживал идею зависимости «успеха» модернизации от внешних факторов и легитимизировал возможность внешнего влияния, стимулирования реформ в духе неолиберализма.

Доминирование концептов классической теории модернизации в качестве идейной основы политического курса для обществ, переживающих период трансформации, укрепление неолиберальной трактовки модернизации в программах преобразований, направленных на обеспечение экономического роста, спровоцировали целый ряд противоречивых тенденций.

Прежде всего, низведение ценности свободы исключительно к свободе выбора и экономическим свободам выхолостило ее моральное и этическое наполнение, предполагающее готовность нести ответственность за данный выбор, необходимость соотношения своей свободы со свободами и правами других. Смысловое наполнение ценности свободы под влиянием неолиберального политического дискурса стало сводиться исключительно к свободе потребительского выбора и свободе в выборе средств самовыражения, приводя к укоренению в общественном сознании потребительских установок в восприятии не только институтов рыночной экономики, но и государственных институтов. П. Кругман, нобелевский лауреат по экономике, ретроспективно анализируя реализацию неолиберальных принципов, отмечал, что абсолютизация неолиберальной модели государства «сформировала такой интеллектуальный климат, при котором вера в рынки и пренебрежительное отношение к государству часто попирают фактическую очевидность» [11, с. 22].

Во-вторых, предложенное в классических концепциях понимание модернизации, воспринятое неолиберальным политическим курсом, допускало наличие экономического неравенства. В частности, У. Ростоу, отстаивая приоритетность экономических факторов в создании условий для модернизации, указывал, что процессы экономического роста и массового потребления могут быть не синхронизированы: капитал сначала должен быть накоплен, а уже потом вложен в создание инфраструктуры массового потребления, которая обеспечит доступ к богатству разных групп населения. На практике это обернулось усилением социального неравенства, формированием узкой прослойки

сверхбогатой экономической элиты, слиянием политической и экономической элиты, ограничением доступа многих социальных групп к материальным ресурсам, позволяющим наращивать личный капитал (как достаток, так и приобретение новых навыков).

В-третьих, аккумуляция установок на приоритетность экономических и политических государственных преобразований без учета социокультурных факторов, особенностей истории, традиций и социальных укладов обществ обернулось тем, что попытки реализации модернизации в «развивающихся странах» по лекалам неоллиберализма привели к прямо противоположным результатам. Целый ряд государств, которые реализовывали реформы в духе неоллиберального политического курса и соответствующим ему рекомендациям Международного валютного фонда пережили глубокие экономические кризисы: Мексика (1994), Восточная Азия (1997), Бразилия (1998), Россия (1998), Турция (2000) и Аргентина (2002)¹. Итогом «структурных реформ» во многих странах оказался не экономический рост и повышение уровня благосостояния населения, улучшение качества его жизни, а, наоборот, стагнация экономики, маргинализация много социальных групп, углубление социального неравенства, рост социального напряжения. Глобализация неоллиберального политического уровня и предложенного в рамках него видения модернизации привели к тому, что неравенство усилилось не только внутри стран, но и между ними, создавая все большую зависимость «развивающихся» от «развитых».

Категоричность и политическая ангажированность подходов классической теории модернизации стали поводом для ее критики еще в середине 60-х годов. Сторонники классической теории модернизации также признавали не бесспорность ее концептов, позднее пришли к необходимости коррекции отдельных своих позиций. С. Хантингтон обращал внимание, что ни «экономическое, ни социальное развитие» не может продолжаться без политического порядка [12], Ш. Эйзенштадт принимал участие в разработке концепта «множественности модернити», отмечая возможность вариативности процесса модернизации и что действительная модернизация должна сопровождаться «оживлением духовного наследия» [13].

С 1970-х годов начинают появляться альтернативные классической теории модернизации. Они тоже не представляют собой единой концепции, часто условно делятся на либеральные (отстаивают необходимость демократизации политической системы и развития институтов рынка для реализации модернизации) и классические (предлагают использовать потенциал действующих в обществе традиций и ценностей для реализации модернизации) [1, с. 206-207; 2], по-разному определяют приоритетность факторов, влияющих на процессы трансформации стран, но имеют целый ряд общих черт. Во-первых, акцент на необходимости учета социокультурных условий модернизации, обязательности их анализа перед проведением масштабных реформ. Во-вторых, более критичное отношение к внешним (экзогенным) факторам как ключевым в процессе модернизации, допущение сочетания внутренних (эндогенных) и экзогенных факторов при реализации модернизации. Наконец, неклассические концепции модернизации не настаивали на радикальных политических переменах как неизбежном пути к достижению обществом «современного» состояния. Даже, наоборот, рассматривали стабильность политической системы как одно из ключевых условий модернизации [14], допуская, в том числе, значительную роль государства и его институтов в обеспечении завершенности процессов модернизации. Опыт китайской модернизации и модернизации в странах Юго-Восточной Азии подтверждал возможность использования потенциала традиций общества для обеспечения экономического и технологического развития, важность поддержания политической стабильности для создания институциональных условий модернизации, обеспечения последовательности политического курса на модернизацию и его завершенности.

Несмотря на противоречивые итоги реализации реформ в духе неоллиберальной интерпретации модернизации, успешный опыт модернизации в странах с сильным влиянием традиций в соответствии с подходами неклассических концепций, последние не были масштабированы как идейная основа реформ в странах, переживающих период трансформации, и тем более, не получили такой поддержки как неоллиберальный политический курс на уровне межправительственных организаций. Причины этому лежат, в большей степени, в политической плоскости.

¹ Economic growth in the 1990s: learning from a decade of reform (English). Washington, D.C.: World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/664481468315296721/Economic-growth-in-the-1990s-learning-from-a-decade-of-reform> (дата обращения: 27.07.2024).

Во-первых, неклассические концепции теории модернизации, отстаивая высокую роль социокультурных факторов, допуская многовариантность модернизаций в зависимости от социокультурной среды поддерживали значимость локальных культур, традиций, основанных на них социального и политического порядка, шли в разрез с сложившейся и ставшей уже доминирующей в мировом политическом дискурсе повесткой глобализации.

Во-вторых, неклассические концепции модернизации меняли фокус в понимании роли человеческого потенциала в модернизации. В логике данных концепций предполагала не только (и даже не столько) свободу экономического выбора и наращивание своего человеческого капитала с целью обеспечения своей конкурентоспособным на рынке труда. В неклассических концепциях модернизации (особенно в социокультурной) человеческий потенциал обретал ценностное измерение, понимание данного потенциала не как объекта и ресурса конкурентной борьбы между экономическими акторами, а как важное условие модернизационного развития государства и общества. Подобное понимание не встраивалось в логику общества потребления, которое стало доминирующим типом социального устройства в большинстве стран, относящих себя к развитым, и отвечающим интересам экономических элит.

Наконец, обосновывая приоритетность политического порядка перед политическими радикальными изменениями для обеспечения экономического роста, достижения реального благополучия населения и обеспечения технологического развития неклассические теории модернизации обладали достаточно большим легитимирующим потенциалом устойчивого политического статуса местных элит и действующих государственных институтов. Что, в свою очередь, формировало вызов укрепившимся на фоне глобализации межправительственным союзам и организациям, стоявшим за ними группам интересам.

Осмысливая неудачи неолиберальных реформ, сторонники политики Вашингтонского консенсуса стали обозначать идею, что «структурные реформы», проводимые по единому стандарту, не дали ожидаемого эффекта из-за плохих базовых институциональных условий [15]. Это означало необходимость учета социокультурных факторов, но не с точки зрения применения их потенциала для модернизации, а необходимости более «глубинных» реформ «второго поколения». В Барселонском консенсусе 2004 г. теме институтов посвящен первый раздел документа, а качество институтов стоит на первом месте среди факторов успешности стратегий. Но это не означало собственно отказа от глобализации неолиберального политического курса. Неолиберальное понимание модернизации сохраняло свое доминирующее положение в мировом политическом дискурсе вплоть до кризиса 2008 г. [16]. Такое доминирование концептов классических теорий модернизации и неолиберальной трактовки модернизации ограничило потенциал самой теории модернизации как идейной основы формирования иных, отличных от неолиберального, политических курсов.

Заключение и выводы

Потенциал концепта «модернизации» как легитимирующей идейной основы политического курса определяется целой совокупностью факторов: его дискурсивной многофункциональностью, позволяющей объяснять во взаимосвязи процессы, происходящие в разных сферах жизни общества; политической имплицитностью, обусловленной, в первую очередь, историей возникновения данного концепта; полисемантической, которая позволяет апеллируя к данному концепту предлагать разные варианты идентификации общества с «современным».

В мировом политическом дискурсе в качестве концептуальной основы реформ достаточно долго доминировала неолиберальная интерпретация модернизации в силу целого ряда причин: неолиберальная модель государства, фактически, первой ответила на задачи придания ему гибкости и вписывалась в усиливающиеся тенденции индивидуализации общества; потенциала неолиберальной дискурсивной модели для делегитимации идей коллективизма, обоснования сокращения расходов обязательств государства; легитимизации усиления политического статуса экономических элит и внешнего влияния в реализации реформ в «развивающихся» странах.

Укрепление неолиберальной трактовки модернизации в программах государственных преобразований спровоцировали целый ряд негативных тенденций, приведших к осознанию противоречивости классических концепций модернизации даже ее сторонниками, появлению неклассических (альтернативных) концепций. Но это не стало поводом для отказа от неолиберального курса как основополагающего для реформ в «развивающихся» странах в силу поддержания данного курса международными межправительственными организациями и того, что он согласовывался с тенденциями

глобализации, связанными с ними интересами отдельных экономических и политических элит. Такое доминирование ограничило потенциал самой теории модернизации как идейной основы формирования иных, отличных от неолиберального, политических курсов, делегитимизировало саму идею «модернизации», вызывая, в большей степени, ассоциации с кризисами и социальными потрясениями, сопровождавшими неолиберальный политический курс.

Список источников

1. Поцелуев С. П. Теория политической модернизации // Политическая концептология. 2022. № 3. С. 198–215.
2. Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. 2001. № 4. С. 217–246.
3. Ростоу У. У. Стадии экономического роста Нью-Йорк: Прегер, 1961. 236 с.
4. Welch C.E. *Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change*. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1967. 383 p.
5. Гордон А. В. Сэмюэл Хантингтон и его концепция политической модернизации // Политический порядок в меняющихся обществах. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. С. 3–16.
6. Седмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. М.; Челябинск: Социум; Мысль, 2019. 522 с.
7. Стиглиц Д. Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2016. 512 с.
8. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. 288 с.
9. Русакова О. Ф., Хмелинин А. А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Антиномии. 2012. №12. С. 259–271.
10. Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2001. № 1(80). С. 103–117.
11. Krugman Paul. Who Was Milton Friedman? // The New York Review of Books. 2007. February. 2007. 15. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nybooks.com/articles/2007/02/15/who-was-milton-friedman/> (дата обращения 06.08.2024).
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
13. Eisenstadt S. N. Some Observations on Multiple Modernities // *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. BRILL, 2002. P. 27–41.
14. Экономические модели модернизации. Москва: ИФ РАН, 2002. 151 с.
15. Rodrik D. Good Bye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? [Электронный ресурс] URL: <https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/goodbye-washington.pdf> (дата обращения 09.08.2024).
16. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Дело, 2012. 272 с.

References

1. Potseluev S. P. Theory of Political Modernization. *Political Conceptology*. 2022;(3):198–215. (In Russ.).
2. Berezhnikov I. V. Theory of Modernization: The Main Stages of Evolution. *Problems of Russian History*. 2001;(4):217–246. (In Russ.).
3. Rostow W. W. *Stages of Economic Growth*. New York: Praeger; 1961. 236 p. (In Russ.).
4. Welch C. E. *Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change*. Belmont, Wadsworth Publishing Company; 1967. 383 p.
5. Gordon A.V. Samuel Huntington and His Concept of Political Modernization. In: *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Tradition; 2004:3–16. (In Russ.).
6. Steadman-Jones D. *The Birth of Neoliberal Politics: From Hayek and Friedman to Reagan and Thatcher*. Moscow; Chelyabinsk: Socium, Mysl; 2019, 522 p. (In Russ.).
7. Stiglitz J. E. *The Price of Inequality: How the Stratification of Society Threatens Our Future*. Moscow: Eksmo; 2016. 512 p. (In Russ.).
8. Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism, Actual Reading*. Moscow: Generation; 2007. 288 p. (In Russ.).

9. Rusakova O. F., Khmelinin A. A. Neoliberal Discourse: Strategies and Technologies for Constructing a New Subjectivity. *Antinomies*. 2012;(12):259–271. (In Russ.).
10. Dardo P., Laval K. Neoliberalism and capitalist subjectivation. *Logos*. 2001;1(80):103–117. (In Russ.).
11. Krugman Paul. Who Was Milton Friedman? *The New York Review of Books*, February. 2007. 15. Available from: <https://www.nybooks.com/articles/2007/02/15/who-was-milton-friedman/> [Accessed 06 August 2024].
12. Huntington S. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition; 2004. 480 p. (In Russ.).
13. Eisenstadt S. N. Some Observations on Multiple Modernities. In: *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. BRILL; 2002: 27–41.
14. *State's models of modernization*. Moscow: IF RAS; 2002. 151 p. (In Russ.)
15. Rodrik D. *Good Bye Washington Consensus, Hello Washington Confusion?* Available from: <https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/goodbye-washington.pdf> [Accessed 09 August 2024].
16. Crouch K. *The strange non-death of neoliberalism*. Moscow: Delo; 2012. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. О. Сонина – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления РАНХиГС, доцент.

Information about author

E. O. Sonina – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of Department of Public administration and political technologies, Ural Institute of Management – branch of RANEP.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 12.10.2024.

The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 12.10.2024.